

ЗИНАИДА ГИППИУС

НЕНАДОЛГО

Зинаида Николаевна Гиппиус

Ненадолго

Аннотация

«Кругом песок, песок; кое-где короткая трава, плоские лужи с грязными берегами и много ветряных мельниц. Около хат – ни кустика. Ту деревню зовут уже счастливой, где перед колодцем стоит корявая верба...»

Зинаида Гиппиус

Ненадолго

Кругом песок, песок; кое-где короткая трава, плоские лужи с грязными берегами и много ветряных мельниц. Около хат – ни кустика. Ту деревню зовут уже счастливой, где перед колодцем стоит корявая верба.

У господского хутора разведен сад – и хороший сад. Подальше, правда, идут деревья малорослые, вишенья да сливы, но ближе, к пруду, есть две славные аллеи, совсем темные, одна кленовая, другая – из белых акаций и широколистных грецких орехов.

Тянется, тянется лето – и конца ему не видно. Кажется, уже целую вечность Любочка живет здесь, гуляет по кленовой аллее в белых батистовых платяцах с голубым кушачком и пишет письма подругам. А между тем она только в конце мая сдала последний институтский экзамен.

Любочка поклялась Варе Бутыркиной и Маше Бем говорить всю жизнь одну правду, и уже начинала быть неискренней. Она писала им, что блаженствует, не видит, как летят дни, что кругом тишина, дивная природа, цветы, что сестра ее – премилая, а дядя не наглядится на Любочку, исполняет все ее прихоти. «О, если б век прожить в этом тихом уголке!» – заключала она свои послания.

Что-то мешало Любочке написать, как ей порою бывает

тоскливо. Дядя больше отдыхал на широком кретоновом диване; бабушка ворчала в своей комнате, а сестра Клавдия казалась Любочке ужасно несимпатичной.

Это было не удивительно. Клавдия Ивановна относилась к Любочке злобно. Она и сама не ожидала, что так выйдет.

Когда Любочка тоскливо шла по аллее, подняв глаза наверх, Клавдия Ивановна следила за ней с террасы и говорила про себя:

– Поскучай, поскучай! Молодая девица с голубым кушачком!

Клавдия Ивановна жила, как птица небесная. Ничего не делала, читала романы, грубо говорила с дядей и бабушкой и только шлялась по песку. Она обладала здравым смыслом и скоро догадалась, что ни к чему не пригодна, да и не за что ей братья; кроме того и наружность у нее была некрасивая. Это-то ее больше всего и злило. А когда злости не хватало и хотелось быть доброй, она утешала себя мыслью, что наружность не играет большой роли в жизни.

Однако сестра Люба ее возмутила. Она и сама не знала, что, собственно, в Любочке такого возмутительного. Мало ли кукол розовых да белых. Самой Клавдии минуло уже двадцать пять лет, а по уму она была сущее дитя. И не любила думать – мысли к ней все злобные приходили.

Когда начинались лунные ночи, она до утра просиживала в саду и попеременно то плакала и жалела себя, вспоминая обрывки романов, и представляла, как было бы хорошо... и

какая она несчастная, – то опять зевала и куталась в свой платок.

Кроме злобных мыслей и сантиментальных мечтаний, у Клавдии ничего в голове не было. Куда! Ей едва и на это хватало времени.

Дядя и бабушка давно рукой махнули «на эту дуру», как они говорили. «И замуж ее не выдашь: толстая да черная, а уж характерец...»

Две зимы дядя прожил с Клавдией в губернском городе. «И там от себя всех отвратила! – удивлялся дядя. – Ну, сиди в деревне, коли так».

Один раз, когда Любочка пришла к обеду на террасу, она застала там гостя. Дядя был в восторге; гость оказался сыном старинного приятеля и привез от него поклон.

– Вы что же, в отпуск?

– Да-с. При производстве у нас дают отпуск. Меня уж в поручики...

– Ну! Скажите, пожалуйста! – И дядя с недоверием посмотрел на розовенькое, нежное, почти детское личико офицера.

У него и усов почти не было, а так, белый пух. Голубые глаза смотрели почтительно и наивно. Так смотрят щенята, которые в первый раз слышат человеческий голос.

Любочка вспыхнула при взгляде на «кузена». Так она почему-то мысленно назвала офицера. И тут же, невольно и

неожиданно для себя самой, представила себе весь свой будущий роман: как «кузен» влюбится, признается в кленовой аллее, и Люба скажет: «Нет! но мне вас жаль...» Опомнилась она, когда уже думала, что он застрелится... Вспыхнула еще больше от досады на себя за такие мысли, молча поздоровалась и села за стол.

Пришла Клавдия, позднее всех, в ситцевой блузе с полинявшими рукавами, и едва кивнула гостю головой. Для нее он был не человек, пустое место. Она сама была таким пустым местом для других, знала это и с удовольствием позволяла себе «презирать людей».

Если бы «кузен», или иначе Аркадий Семенович, мог угадать ее мысли, он бы сейчас же подумал, подумал минут с пять, открыть бы записную книжечку с цветочком и записал мысль: «Ненависть и презрение к людям происходят из источника самолюбия, а также от собственных недостатков: бессильность возбудить к себе любовь других».

Любочка робко заговорила с офицером. Он отвечал тоже робко, но любезно и мило. Любочка оживилась и после обеда предложила показать сад Аркадию Семеновичу. Дядя сонливым голосом протянул: «Ну, идите, идите, молодежь...»

Клавдия посмотрела вслед удалявшейся парочке и фыркнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.